

— Нет-нет-нет, как можно? Людей у меня хоть отбавляй, пусть госпожа Цзин выбирает хоть кого. Не то что двух, хоть десять! — Хай Шанфэй пнул ногой надзирателя. — Чего тут стоишь, как дубина? Пошел, выбери несколько, чтобы не слишком страшных, пусть госпожа Цзин посмотрит!

Черт побери, когда боги дерутся, страдают мелкие бесы. Эта женщина явно пришла сюда, чтобы устроить скандал. Надзиратель с ненавистью взглянул на Госпожу Цзин и удалился, вскоре вернувшись с тремя охранниками.

Один пускал слюни, другой пускал пузыри из носа, а третий непрерывно теребил волосы...

Госпожа Цзин была в шоке.

Хуан Баньшань, уже уставший от этой ерунды, махнул рукой:

— Ладно, это дело должен решать верховный старший, я не стану вмешиваться. Пусть эту стерву дожидается, пока настоящий глава выйдет из затворничества, и сам разберется.

— Но, дядя Хуан...

— Все, Цзин Вэй. Ты уже несколько лет путешествуешь, нельзя вести себя как в детстве. Кстати, тебе давно пора вернуться в Бишуй, что ты все еще задерживаешься в долине?

— Я беспокоюсь за старшего брата.

— Эх, ладно. Вы с детства вместе росли, естественно, у вас крепкая дружба. — Хуан Баньшань погладил бороду. — Такая хорошая девушка, как он мог тебя не заметить? Вместо этого увлекся этой ведьмой!

«Вранье, я же ведьмак!» — мысленно выругался Янь Були. «Слепой старик, я куда лучше этой змеи под личиной женщины!»

Так что вкус у Чи Юэ все-таки неплохой, жаль, что он такой недогадливый, иначе как он не заметил, что я самозванец?

Янь Були неподвижно лежал на полу, действие наркоза постепенно ослабевало. Рана на левом плече начала приходить в чувство, отдавая болью в сердце. Каждое биение причиняло невыносимую боль.

Старик Хуан сказал, что хочет отпустить его, действительно собирается отпустить этого предателя...

Если бы мышцы лица еще не были онемевшими, Янь Були бы рассмеялся. Потому что он, кажется, обнаружил нечто невероятное: глава Секты Врат Преисподней, верховный лидер Пути Демонов, этот умник, который все время водил его за нос... оказался дураком.

...

Хуан Баньшань не хотел задерживаться в подземелье и, дав несколько наставлений, увел Госпожу Цзин в Чертог Жёлтых Источников.

Как только он вошел, то сразу увидел лицо Лэ Цяньцю и невольно фыркнул.

Лэ Цяньцю тоже не был рад его видеть.

Той ночью он как раз играл в шахматы с Чжу Можанем во сне, как вдруг его разбудили посланники Секты Врат Преисподней и, не дав опомниться, привезли с горы Бэйшу в Долину Лазурных Глубин, чуть не развалив его старые кости.

Госпожа Цзин тоже чувствовала себя неловко.

Ну и дела, в комнате три человека, и все они соперники.

— Как этот паршивец? Еще не сдох?

— Почти что сдох. — Хуан Баньшань резко ответил и повел его в спальню.

Лэ Цяньцю, распахнув одежду Чи Юэ, покраснел.

Хотя переkreцивающиеся царапины уже побледнели, но глаза врача остры, и он сразу понял, в чем дело.

— Ого, не знал, что Цзян Мочоу такая драчунья... — не удержался от смешка старый шутник.

Хуан Баньшань смущенно кашлянул:

— Может, ты сосредоточишься на главном?

— Главное? Главное в том, что этот парень почти мертв. — Лэ Цяньцю фыркнул. — Великое искусство черепашьего дыхания только замедляет его смерть.

— Разве ты не называешь себя врачом-бессмертным? Неужели нет способа? — Хуан Баньшань с

тревогой спросил.

— Ты серьезно воспринимаешь это хвастовство? — Лэ Цяньцю потер лоб. — Способ есть, но он довольно бесполезный.

— Говори.

— У племени колдунов Южных пустошей есть особый червь, называемый Плетение сердца. Он может восстанавливать повреждения внутренних органов, даже если сердце частично разрушено. Но эта штука чертовски опасна, она остается внутри тела и, когда голодна, начинает грызть органы, а потом, как ни в чем не бывало, зашивает их. Большинство людей предпочитают умереть, чем использовать это, потому что ощущения хуже смерти.

— Я отправлю людей в Южные пустоши. — Хуан Баньшань развернулся и вышел.

— Эй, ты не услышал вторую часть? — Лэ Цяньцю поспешно остановил его. — Этот червь также называют Пожирателем сердца. Попав под его влияние, человек оказывается в аду хуже смерти. Некоторые уже пробовали, но не выдерживали и двух недель, кончая жизнь самоубийством. Неужели ты не боишься, что он, ожив, бросится на стену?

— Не боится.

— Не будь так уверен, ты не знаешь, что такое Плетение сердца.

Старик мягко отстранил его:

— А ты не знаешь Чи Юэ.

В Аду Авичи Хуа Усиня увели в другую камеру, а два трупа убрали.

Хай Шанфэй, увидев, что его предок ранен, не стал рисковать и сразу отправил за врачом. Подчиненные доложили, что два старика заняты, но ученик врача-бессмертного согласился прийти.

У входа в подземелье стоял человек, окутанный зимним светом. Синий платок обхватывал волосы, через плечо был перекинут ящик с лекарствами, а лицо казалось моложе, чем его скромная одежда. Хай Шанфэй невольно засомневался, но не стал показывать виду, вежливо пригласил его внутрь.

К этому времени действие наркоза у Янь Були уже прошло, и он с трудом смог переодеться одной рукой. Но стрела засела слишком глубоко, застряв в кости, и вытащить ее было невозможно. Он несколько раз пробовал, но безуспешно, и в конце концов сдался, вздохнув и

откинувшись на стену, закрыв глаза.

Когда Линь Цзыюй вошел, он чуть не подпрыгнул от ужаса, подумав, что человек пригвожден к стене стрелой...

— Глава Цзян... то есть мадам Цзян, вы в порядке?

— Линь Цзыюй? — Янь Були открыл глаза, удивленный встречей.

— Именно я. Нашего главу пригласили... то есть притащили в Секту Врат Преисподней, чтобы лечить Чи Юэ, и я тоже пришел. — Линь Цзыюй быстро открыл ящик с лекарствами и достал несколько склянок. — Давайте посмотрим вашу рану...

Янь Були немного колебался, но все же спросил:

— Как его состояние?

— Стрела, похоже, попала в кость, но, к счастью, не застряла намертво.

— Я имею в виду... как состояние Чи Юэ?

— Я не видел главу Чи Юэ, но, похоже, все плохо. Наш глава уже разбил несколько чашек, причем выбирал самые дорогие. — Линь Цзыюй прижал белую ткань к плечу Янь Були и осторожно пошевелил стрелу. — Потерпите, я вытащу стрелу.

— Он сильно ранен? — Спросив это, Янь Були почувствовал, что перегнул. Удар, который он нанес, был направлен на убийство, так зачем притворяться добрым и задавать такие вопросы?

— Этого я не знаю. Как врач, я могу лишь делать то, что в моих силах, а остальное — воля небес. — Линь Цзыюй держал окровавленную стрелу одной рукой, а другой крепко прижимал рану. — Вам... не больно?

— А? Уже вытащили? — Только сейчас Янь Були понял, что стрелы больше нет. — Кашель, извините, я отвлекся, не заметил боли.

— ...

— Может, вставьте обратно и попробуем еще раз?

Линь Цзыюй не нашелся, что ответить. Стрела с зазубринами вырывается с мясом, и даже мужчина закричал бы от боли, но мадам Цзян оказалась крепче любого мужчины.

Остановка крови, обработка раны, перевязка... Хотя это была только внешняя травма, но кость была задета, так что левое плечо Янь Були будет бесполезным какое-то время.

Но он уже привык.

С тех пор, как он оказался в этом теле, оно было то слепым, то бесполезным. Глаза вылечились — получил внутреннюю травму, внутренняя травма зажила — получил внешнюю. Казалось, он прошел через все виды мучений, но не чувствовал их, постоянно играя со смертью, но не умирая. Его жизнь была как увядшая трава, а удача — как собачий помет.

Линь Цзыюй убрал ящик с лекарствами и вытер руки:

— Мадам Цзян, вы, наверное, не знаете, но глава Чи Юэ действительно глубоко к вам привязан и приложил много усилий.

Он думал, что в тот вечер, должно быть, перебрал с вином, потому что увидел Чи Юэ с другой стороны и услышал мысли холодного демона.

Под сосной, в беседке, в аромате бамбукового вина, тот, опьяненный, опирался на ветер и улыбался холоднее луны:

— Я хочу, чтобы она была обычной женщиной, утром рисовала брови, вечером шила одежду. Заботилась о муже и детях, жила в радости и мире. Всю жизнь без печалей.

Янь Були закрыл глаза и горько усмехнулся:

— Он действительно приложил много усилий для Цзян Мочоу.

Но я не она.

— Раненое мясо заживает за месяц, кости — за три года. Но если ранить сердце, оно может никогда не зажить, и... лекарства здесь бессильны. — Линь Цзыюй вздохнул и поднял ящик. — Мадам, ваш удар, возможно, ранил его слишком сильно.

Янь Були молча сжал губы.

Линь Цзыюй, покачивая головой, вышел из камеры, но через несколько шагов вернулся, полный любопытства:

— Позвольте спросить, мадам, вы, возможно, мстили ему за то, что он, будучи импотентом, женился на вас?

...

<http://bllate.org/book/15303/1352393>